

Антон Павлович Чехов

Нахлебники
(Рассказы)

Впервые напечатано в "Петербургской газете", 1886,
N246.

Нахлебники

Мещанин Михаил Петров Зотов, старик лет семидесяти, дряхлый и одинокий, проснулся от холода и старческой ломоты во всем теле. В комнате было темно, но лампадка перед образом уже не горела. Зотов приподнял занавеску и поглядел в окно. Облака, облежавшие небо, начинали уже подергиваться белизной, и воздух становился прозрачным, – стало быть, был пятый час, не больше.

Зотов покрякал, покашлял и, пожимаясь от холода, встал с постели. По давнишней привычке, он долго стоял перед образом и молился. Прочел «Отче наш», «Богородицу», «Верую» и помянул длинный ряд имен. Кому принадлежат эти имена, он давно уже забыл и поминал только по привычке. По той же привычке он подмел комнату и сени и поставил свой толстенький четырехногий самоварчик из красной меди. Не будь у Зотова этих привычек, он не знал бы, чем наполнить свою старость.

Поставленный самоварчик медленно разгорался и вдруг неожиданно загудел дрожа-

щим басом.

– Ну, загудел! – проворчал Зотов. – Гуди на свою голову!

Тут же кстати старик вспомнил, что в истекшую ночь ему снилась печь, а видеть во сне печь означает печаль.

Сны и приметы составляли единственное, что еще могло возбуждать его к размышлениям. И на этот раз он с особенною любовью погружился в решение вопросов: к чему гудит самовар, какую печаль пророчит печь? Сон на первых же порах оказался в руку: когда Зотов выполоскал чайник и захотел заварить чай, то у него в коробочке не нашлось ни одной чайинки.

– Жизнь каторжная! – ворчал он, перекапывая языком во рту крохи черного хлеба. – Экая доля собачья! Чаю нету! Добро бы, простой мужик был, а то ведь мещанин, домовладелец. Срамота!

Ворча и разговаривая с самим собой, Зотов надел свое похожее на кринолин пальто, сунул ноги в громадные неуклюжие калоши (сшитые сапожником Прохорычем холоден и угрюмо-покоен. Большой двор, кудрявый от

репейника и усыпанный желтыми листьями, слегка серебрился осеннею изморосью. Ни ветра, ни звуков. Старик сел на ступени своего покосившегося крылечка, и тотчас же произошло то, что происходит аккуратно каждое утро: к нему подошла его собака Лыска, большой дворовый пес, белый с черными пятнами, облезлый, полудохлый, с закрытым правым глазом. Подходила Лыска робко, трусливо изгибаясь, точно ее лапы касались не земли, а раскаленной плиты, и все ее дряхлое тело выражало крайнюю забитость. Зотов сделал вид, что не обращает на нее внимания; но когда она, слабо шевеля хвостом и по-прежнему изгибаясь, лизнула ему калошу, то он сердито топнул ногой.

– Пшла, чтоб ты издохла! – крикнул он. – Проклята-я!

Лыска отошла в сторону, села и уставилась своим единственным глазом на хозяина.

– Черти! – продолжал Зотов. – Вас еще недоставало, иродов, на мою голову!

И он с ненавистью поглядел на свой сарай с кривой поросшей крышей; там из двери сарайчика глядела на него большая лошадиная

голова. Вероятно, польщенная вниманием хозяина, голова задвигалась, подалась вперед, и из сарая показалась целая лошадь, такая же дряхлая, как Лыска, такая же робкая и забитая, тонконогая, седая, с втянутым животом и костистой спиной. Она вышла из сарая и в нерешительности остановилась, точно сконфузилась.

– Провала на вас нет... – продолжал Зотов. – Не сгинули вы еще с глаз моих, фараоны каторжные... Небось кушать желаете! – усмехнулся он, кривя свое злое лицо презрительной улыбкой. – Извольте, сию минуту! Для такого стоящего рысака овса самолучшего сколько угодно! Кушайте! Сию минуту! И великолепную дорогую собаку есть чем покормить! Ежели такая дорогая собака, как вы, хлеба не желаете, то говядинки можно.

Зотов ворчал с полчаса, раздражаясь все больше и больше; под конец он, не вынося накипевшей в нем злобы, вскочил, затопал калошами и забрюзжал на весь двор:

– Не обязан я кормить вас, дармоеды! Я не миллионщик какой, чтоб вы меня объедали и опивали! Мне самому есть нечего, одры пога-

ные, чтоб вас холера забрала! Ни радости мне от вас, ни корысти, а одно только горе и разочаренье! Почему вы не околеваете? Что вы за такие персоны, что вас даже и смерть не берет? Живите, черт с вами, но не желаю вас кормить! Довольно с меня! Не желаю!

Зотов возмущался, негодовал, а лошадь и собака слушали. Понимали ли эти два нахлебника, что их попрекают куском хлеба, – не знаю, но животы их еще более втянулись и фигуры съежились, потускнели и стали забитее... Их смиренный вид еще более раздражил Зотова.

– Вон! – закричал он, охваченный каким-то вдохновением. – Вон из моего дома! Чтоб и глаза мои вас не видели! Не обязан я у себя на дворе всякую дрянь держать! Вон!

Старик засеменил к воротам, отворил их и, подняв с земли палку, стал выгонять со двора своих нахлебников. Лошадь мотнула головой, задвигала лопатками и захромала в ворота; собака за ней. Обе вышли на улицу и, пройдя шагов двадцать, остановились у забора.

– Я вас! – пригрозил им Зотов.

Выгнав нахлебников, он успокоился и на-

чал мести двор. Изредка он выглядывал на улицу: лошадь и собака как вкопанные стояли у забора и уныло глядели на ворота.

– Поживите-ка без меня! – ворчал старик, чувствуя, как у него от сердца отлегают злоба. – Пущай-ка кто другой поглядит теперь за вами! Я и скупой и злой... со мной скверно жить, так поживите с другим... Да...

Насладившись угнетенным видом нахлебников и досыта наворчавшись, Зотов вышел за ворота и, придав своему лицу свирепое выражение, крикнул:

– Ну, чего стоите? Кого ждете? Стали поперек дороги и мешают публике ходить! Пошли во двор!

Лошадь и собака понурили головы и с видом виноватых направились к воротам. Лыска, вероятно, чувствуя, что она не заслуживает прощения, жалобно завизжала.

– Жить живите, а уж насчет корма – накося, выкуси! – сказал Зотов, впуская их. – Хоть околевайте.

Между тем сквозь утреннюю мглу стало пробиваться солнце; его косые лучи заскользили по осенней измороси. Послышались го-

лоса и шаги. Зотов поставил на место метлу и пошел со двора к своему куму и соседу Марку Иванычу, торговавшему в бакалейной лавочке. Придя к куму, он сел на складной стул, степенно вздохнул, погладил бороду и заговорил о погоде. С погоды кумовья перешли на нового диакона, с диакона на певчих, – и беседа затянулась. Незаметно было за разговором, как шло время, а когда мальчишка-лавочник притащил большой чайник с кипятком и кумовья принялись пить чай, то время полетело быстро, как птица. Зотов согрелся, повеселел.

– А у меня к тебе просьба, Марк Иваныч, – начал он после шестого стакана, стуча пальцами по прилавку. – Уж ты того... будь милостив, дай и сегодня мне осьмушку овса.

Из-за большого чайного ящика, за которым сидел Марк Иваныч, послышался глубокий вздох.

– Дай, сделай милость, – продолжал Зотов. Чаю, уж так и быть, не давай нынче, а овса дай... Конфузно просить, одолел уж я тебя своей бедностью, но... лошадь голодная.

– Дать-то можно, – вздохнул кум. – Отчего

не дать? Но на кой леший, скажи на милость, ты этих одров держишь? Добро бы лошадь пу-тевая была, а то – тьфу! глядеть совестно... А собака – чистый шкилет! На кой черт ты их кормишь?

– Куда же мне их девать?

– Известно куда. Сведи их к Игнату на жи-водерню – вот и вся музыка. Давно пора им там быть. Настоящее место.

– Так-то оно так!.. Оно пожалуй...

– Живешь Христа ради, а скотов держишь, – продолжал кум. – Мне овса не жалко... Бог с тобою, но уж больше, брат, того... начетисто каждый день давать. Конца-края нет твоей бедности! Даешь, даешь и не знаешь, когда всему этому конец придет.

Кум вздохнул и погладил себя по красному лицу.

– Помирал бы ты, что ли! – сказал он. – Жи-вешь и сам не знаешь, для чего... Да ей-богу! А то, коли господь смерти не дает, шел бы ты куда ни на есть в богадельню или старопри-ютный дом.

– Зачем? У меня родня есть... У меня внуч-ка...

И Зотов начал длинно рассказывать о том, что где-то на хуторе живет внучка Глаша, дочь племянницы Катерины.

– Она обязана меня кормить! – сказал он. – Ей мой дом останется, пущай же и кормит! Возьму и пойду к ней. Это, стало быть, понимаешь, Глаша... Катина дочка, а Катя, понимаешь, брата моего Пантелея падчерица... понял? Ей дом достанется... Пущая меня кормит!

– А что же? Чем так, Христа ради жить, давно бы пошел к ней.

– И пойду! Накажи меня бог, пойду. Обязана!

Когда час спустя кумовья выпили по рюмочке, Зотов стоял посреди лавки и говорил с воодушевлением:

– Я давно к ней собираюсь! Сегодня же пойду!

– Оно конечно! Чем так шалтай-болтай ходить и с голоду околевать, давно бы на хутора пошел.

– Сейчас пойду! Приду и скажу: бери себе мой дом, а меня корми и почитай. Обязана! Коли не желаешь, так нет тебе ни дома, ни моего благословения! Прощай, Иваныч!

Зотов выпил еще рюмку и, вдохновленный новой мыслью, поспешил к себе домой... От водки его развезло, голова кружилась, но он не лег, а собрал в узел всю свою одежду, помолился, взял палку и пошел со двора. Без оглядки, бормоча и стуча о камни палкой, он прошел всю улицу и очутился в поле. До хутора было верст десять – двенадцать. Он шел по сухой дороге, глядел на городское стадо, лениво жевавшее желтую траву, и думал о резком повороте в своей жизни, который он только что так решительно совершил. Думал он и о своих нахлебниках. Уходя из дома, он ворота не запер и таким образом дал им волю идти куда угодно.

Не прошел он по полю и версты, как позади послышались шаги. Он оглянулся и сердито всплеснул руками: за ним, понуриив головы и поджав хвосты, тихо шли лошадь и Лыска.

– Пошли назад! – махнул он им.

Те остановились, переглянулись, поглядели на него. Он пошел дальше, они за ним. Тогда он остановился и стал размышлять. К ползнакомой внучке Глаше идти с этими тварями было невозможно, ворочаться назад и

запереть их не хотелось, да и нельзя запереть, потому что ворота никуда не годятся.

«В сарае издохнут, – думал Зотов. – Нешто и впрямь к Игнату?»

Изба Игната стояла на выгоне, в шагах ста от шлагбаума. Зотов, еще не решивший окончательно и не зная, что делать, направился к ней. У него кружилась голова и темнело в глазах...

Мало он помнит из того, что произошло во дворе живодера Игната. Ему помнится противный тяжелый запах кожи, вкусный пар от щей, которые хлебал Игнат, когда он вошел к нему. Точно во сне он видел, как Игнат, заставив его прождать часа два, долго приготавливал что-то, переодевался, говорил с какой-то бабой о сулеме; помнится, что лошадь была поставлена в станок, после чего послышались два глухих удара: один по черепу, другой от падения большого тела. Когда Лыска, видя смерть своего друга, с визгом набросилась на Игната, то послышался еще третий удар, резко оборвавший визг. Далее Зотов помнит, что он, сдуру и спьяна, увидев два трупа, подошел к станку и подставил свой собственный лоб...

Потом до самого вечера его глаза заволакивало мутной пеленой, и он не мог разглядеть даже своих пальцев.